

Дарья Близнюк

Раскол Панкеи

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дарья Близнюк
Раскол Панкеи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Близнюк Д.

Раскол Панкеи / Д. Близнюк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга только для тех, кто хочет попасть в гротескный мир и оказаться в эпицентре роковых событий. Для тех, кто готов познакомиться с рок-группой панков и не боится дочитать до шокирующего конца. Если вы всё-таки решились её открыть, то держитесь крепче, потому что вас поджидает полное безумие. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Фтор	6
Везувий	8
Уроборос	10
Саван	12
Клубника	14
Помпея	16
Пустыня	17
Фрикаделька	19
Сахара	20
Панкея	21
Микрочлен	24
Выступления	26
Иерархия	28
Паги	29
Поклонники	30
Фанси	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дарья Близнюк Раскол Панкеи

Сначала была Пангея,

и Пангея была у Бога,

и Пангея была Бог.

Фтор

На календаре со смуглой девицей, чья упругая тугая грудь дразнилась розовыми сосками, был отмечен понедельник. Молодой парень с ярко-жёлтым ирокезом на голове бездарно валялся на диване, качая ногой и с остервенением жуя конфеты под чудным названием «Бешеная пчёлка». Зубами вытягивал мармеладку, жёстко сминал фантик в плотный маленький шарик и запускал его по траектории, ведущей к мусорному ведру. Разумеется, не все обвёртки попадали в урну, и потому на полу их скопилась целая куча. Это мусорное ведро парень называл исключительно ульем, поскольку, кроме сумасшедших пчёл, в него никогда ничто не приземлялось. Шумно вдохнув, верзила перекатился на живот.

– Умираю от скуки, – прохрипел он, упираясь взглядом в рваный линолеум.

Постепенно взор переполз на раковину с грудой грязной посуды, над которой с надоедливым жужжанием вились милые мухи. Запах тухлятины заползал в ноздри и пропитывал латексные лосины. Кожаную куртку. Высокие гриндерсы, утыканые металлическими шипами. Такой же колючий ошейник, обвивавший шею. Этакий терновый венец. Запах тухлятины пропитывал всё вокруг, но желтоголовому было лень шевелиться. Вставать. Перебирать тарелки. Выбрасывать хлам. Разбивать тарелки. Подметать осколки.

Смачно зевнув, он покосился на часы с покоцанным циферблатом. Минутная стрелка отсутствовала, но часовая торчала около трёхчасовой отметки. Поскольку за окном стоял густой зной, налитый золотым светом, то сомнений не оставалось: парень застрял в разгаре дня, и маяться ему предстояло ещё очень долго. А всё из-за его счастливого проклятого числа – семёрки. Бедный мальчуган вылутился на свет седьмого июля и потому попал под охрану этой самолюбивой цифры. Почему-то всё представляют её синей, но желтоголовый видел её ядовито-зелёной. Чтобы не навлекать на себя бед, он всячески угождал требовательному числу.

В детстве мальчишка истязал себя мультиками про Белоснежку и семь гномов. Про волка и семерых козлят. В начальных классах сдавал на отлично таблицу умножения только на семь. В старших вызубрил, сколько будет, если возвести её в квадрат. В куб. Если перемножить её четыре раза. Пять раз. Шесть. И, наконец, семь. Но эти скромные подношения не удовлетворяли персонального божка, и парень понял, что не сможет обойтись малой кровью.

Однажды он познакомился с семью смертными грехами и с тех пор решил самоотверженно соблюдать дьявольские заповеди. Причём не от случая к случаю, а следуя чёткому графику. В понедельник приходилось лениться, вянуть в апатии и унывать. Во вторник дозволялось впихивать в себя бургеры с беконом, заливаться пивом и баловать себя разными закусками. В среду парень выпускал весь скопившийся гнев и бессовестно отрывался на ботаниках. В четверг он запрещал всем прикасаться к своим шмоткам, никому не давал в долг и, словно Кощей, бдитительно следил за драгоценным имуществом. В пятницу пунктуальный юноша спокойно ревновал и завидовал. В субботу тешил свою гордыню, а в воскресенье – его любимый день – вдоволь развлекался с девками.

Но сегодня был отмечен понедельник, и агрессивный нумеролог растекался по ветхому дивану. На его плече блестела от пота татуировка с английской буквой «F», за что корешки прозвали его Фтором. Но не только татушка являлась тому причиной. Его вспыльчивый характер и повсеместные разрушения невозможно было игнорировать, и потому Фтор приобрёл дурную славу уважаемого авторитета. Завсегдатая мелких разбоев, поджогов и краж.

Чтобы его суеверие не поколебало достигнутую репутацию, нахал старательно скрывал свою изошрённую зависимость. Этакий Пелевинский Степан. Он никому не мог доверить столь унижительную тайну и поэтому умело замаскировывал семёрку в повседневном быту. Когда парень увлёкся музыкой, то отмутился с семиструнной гитарой. Когда встретился с себе подобным грубияном в полосатых чулках и с размалёванным лицом, то предложил создать группу.

Пораскинув мозгами, Фтор завуалировал семёрку в её названии – «Саван», в котором отлично угадывалось созвучие с английским словом «seven». Партнёра своего он величал Везувием.

Везувий

Везувий носил красный ирокез, торчащий во все стороны. Надевал он разноцветные гольфы и какие-то бесформенные платья. Иногда облачался в фиолетовые брюки на лямках, обнажая зататуированную грудь и руки. Их покрывали зелёные и оранжевые языки адского пламени. Вначале панк производил впечатление умственно отсталого или же напичканного транками психа, но вскоре сражал наповал своей фирменной акульей улыбкой. В этой улыбке читалась угроза хищного зверя. Хитрая подлость пробегала в уголках накрашенных губ, похожих на спелую вишню. Или черешню. Словом, была какая-то тёмная баклажанная помада. Так же мастерски парень терзал электрогитару и любил острый перец чили. Мог наесться его до такой степени, что горло, пищевод и желудок горели как обожжённые. И это ещё не все его крутые особенности.

У Везувия стоял в гараже бешеный ниндзя с железным сердцем внутри. Жёлтый мотоцикл, заляпанный наклейками, мог развивать скорость до трёх ста километров в час и из-за низкого центра тяжести на поворотах буквально ложился. Рычание Ниндзя настолько возбуждало, что все внутренности Везувия закипали, будто он был просыпающимся вулканом. Адреналин брэнчал по венам, словно медиатор по струнам гитары, исполнявшей рок-н-рол. Его «BMW K 1200 S» нёсся по шоссе быстрее мыслей и неосознанных процессов в нейронных путях, и Везувий ощущал себя накаченным кокаином под завязку.

Иногда он захватывал с собой Фтора, и они с грохотом и рёвом уносились навстречу мечтам и смерти. Удивительно, как дух не вываливался из распахнутых глоток. Словом, их хобби слегка отличалось от мирного вязания или рыбалки. От скрапбукинга или коллекционирования марок. От шахмат или плавания. Нередко парни запирались в комнате и делали отменное, как они считали, музю, донимая соседей большим нойзом. Фтор даже пытался что-то базарить в микрофон, но судьба не наделила его приятным голосом. Новоиспечённому солисту приходилось орать на связках, чтобы энергетика прошибала.

– Я тво-ой, – брал низкую ноту Фтор, – голый Кен, голый Кен, голый Кен, голый Кен, – срывался он, пока Везувий неистово изгибался с электроинструментом.

– Супер! – комментировал один, валясь на кровать. Или пуф. Или дырявый кресломешок.

– Офигенно сработали, – констатировал второй, откупоривая банку с пивом. Или «Рэд Буллом». Или газировкой.

Иногда чувачки, как петухи, прогуливались вдоль своей помойной территории, выслеживая бомжей, чтобы их прогнать. Или ещё лучше – избить и тоже прогнать. Особенно часто их патрулирование случалось в среду, когда Фтор был предельно взвинчен. Выказывая всё позёрство, он жевал жвачку или какую-нибудь соломинку, или сигарету, и изрекал:

– Надрать задницу.

Только сегодня им не везло. Бомжи, судя по их отсутствию, подсутились и успели смыться. Расхаживать без смысла было скучно, и френды уже хотели идти за железным скакуном, как вдруг увидели жирную тушу в чёрной безрукавке и звездообразной причёской. Гигант, неуклюже наклонившись, пыхтел и что-то соскребал с земли.

– Что он делает? – сплюнул смазливый Фтор, подкрадываясь ближе.

Везувий последовал за приятелем, искренне сожалея, что не захватил с собой газовый баллончик. Но когда парни заглянули за широкую спину толстяка, то чуть не вывернули желудки от резкого приступа тошноты. В грязи лежал размазанный голубь с кишками навывкат. Его неестественно распластанные крылья уже впечатались в землю, и потому птица с трудом отлипала от поверхности.

– Чувак, ты чего? – ошарашенно ткнул пузатого Везувий.

– А? – оборачиваясь, прогнусавил кабан.

Его веки покрывали фиолетовые тени, жирную шею сковывал чокер, и потому растерянный вид делал гориллу забавным.

– Ау, кретин! – ударил его по пухлой щеке Фтор. – Хватит нашу землю топтать!

– Я птичку хороню, – обиженно просипел жиртрест голосом Мумий Тролля. Ну, этого, Ильи Лагутенко.

– Забирай свою дохлую птичку и проваливай! – свирепо скомандовал Фтор, пиная упитанного гота под зад.

– Ой! – нелепо упал на ладони тот, и парням удалось разглядеть картинку с Уроборосом, набитую на плече.

Свернувшаяся в кольцо змея поглощала собственный хвост. То был символ вечности. Символ чередования жизни и смерти. Созидания и разрушения. Системности и хаоса. Убийства и возрождения.

Уроборос

Уроборос имел тучную внешность, сколько помнил себя. Всё потому, что постоянно потакал капризам своего голодного живота. Он мог с самозабвением уплетать бургеры, дёнеры, твистеры – желательны острые, картошку фри с чесночным или сливочно-сырным соусом. Мог хрустеть нагетсами, то бишь резиновой курицей в кляре, обмазывая её кетчупом и заправляя всё это дело «Кока Колой». Из-за грузности, которая мешала ему участвовать в подвижных играх и гоняться за мальчишками в лицее, он стал посмешищем и изгоем. Появились робость, неуверенность в себе и предусмотрительность. Уроборос никогда и ни в чём не выказывал инициативы, ни в какие разговоры и затеи не влезал и потому был отрезанным от общества. Отрешённой угрюмой тенью. Парнишка стал спасаться наушниками, слушая готик-метал и рисуя кресты. В общем, казалось бы, обычная чертовщина, но барабаны так сильно впечатлили подростка, что тот перестал ходить в KFC и начал экономить на вторых завтраках. К тому же музыка навязывала ему свою субкультуру, и забитый неудачник полностью сменил имидж. Он набил татушку, соорудил вопиющую причёску, залив её лаком, подобрал футболки с пентаграммами и стал настоящим Уроборосом.

Только вся его грубая внешность играла роль дешёвой обложки. Фантика. За устрашающим гримом скрывалась слегка отсталая личность, которая ни ангела не смыслила ни в тригонометрии, ни в лингвистике, не реагировала на шутки и держалась особняком. Взрослый бульдозер до сих пор принимал горячую ванну, плескаясь с резиновыми утятами и ощущая себя при этом кровожадным мегалодоном.

– Хвать! Попался! – брызгался он, наваливаясь на пищащие игрушки.

После таких водных утех половик промокал насквозь, но Уроборос махал на него плаванником.

Ещё одно его подпольное занятие происходило в туалете. Сидя на толчке, парень слюнявил палец, после чего совал его в очко. Перст тут же окружал тёплый слизистый тоннель. Пробираясь вглубь, он сталкивался с закупоркой прохода в виде мягкой (иногда и твёрдой) личины. Расшатав её как следует, Уроборос умело вытаскивал получившиеся комочки, которые плюхались в воду. Подцепив ногтем ещё одну какашку, Уроборос дуговым движением вытаскивал её наружу. Таким образом он лазил за сокровищами несколько раз, достигая максимального удовлетворения. Иногда вместо слюны гот использовал мыло или смазку. В общем, проявлял всю свою эрудицию, смекалку и креативность.

Стоит отметить, что, помимо барабанов, он имел ещё одну слабость – любовь к животным. В своей комнате парень держал двух мохнатых тарантулов, которых назвал Зомби и Штейн. Зомби был крупнее, зато Штейн куда юрче и, собака, пользовался своей юркостью: регулярно сбегал из террариума. Заплаканный Уроборос с фиолетовыми разводами на щеках находил своего малыша то под кроватью, то в тарелке из-под соуса барбекю, то на завешанной плакатами стене.

– Слава паучьим богам, ты нашёлся! – вытирал трогательную слёзку Уроборос и возвращал беглеца в прозрачный ящик.

Но душу пузатого здоровяка бередили не только членистоногие, но и птицы. Эти маленькие певчие пташки. Пернатые твари. Сколько голубей стали жертвами пьяных водителей! Почти каждый вечер Уроборос обдумывал организацию движения по защите невинных птиц, но сон навещал его быстрее грандиозных идей. Так что добродушному великану оставалось только бродить по дорогам в поисках задавленных труптиков. Когда он натыкался на чучело, кишасщее червями, то аккуратно поднимал падаль, относил на своё птичье кладбище и торжественно хоронил под вязкую мрачную музыку.

Иногда Уроборос отправлялся на поиски с лопатой. Иногда с заранее приготовленной коробкой, учась тому, что в любом деле нужно достигать мастерства. В любом деле важен опыт и ежедневные тренировки. Неосознанно он отмечал, что во дворах давлёнышей находится больше. Что окоченевшие твёрдые тушки стоит брать в перчатках, дабы не заразиться грибок или какой-нибудь другой дрянью. Вываленные наружу кишки, свёрнутые шеи, размазанные перья и лиловая кровь, которую он величал кетчупом, нисколько не смущали и не вызывали отвращения. У Уробороса вообще мало что вызывало отвращение.

И одним летним деньком миссия могильщика столкнула его с двумя развязными панками.

– Ты, вообще, кто-то такой? – вызывающе прокаркал красноволосый хулиган.

– Когда как, – поспешно затараторил готический Карлсон, – иногда я превращаюсь в Мегалодона, иногда в барабанщика...

– В барабанщика? – усмехнулся жёлтый. – Это мы сейчас твоё пузо так отбарабаним, что отбивную сделаем! Везувий, не желаешь человечины? – заливался гоготом он, ударяя сапогом в живот. – Присоединяйся! – скомандовал красному, и уже двое налетели на чёрный упитанный эмбрион.

– Цыплёнок табака! Цыплёнок табака! – кричали обидчики.

– Ладно, прекращай, – нехотя бросил Везувий, и побои прекратились. – Говоришь, играешь на барабанах? – как ни в чём не бывало спросил он.

– Угу, – жалобно проскулил Уроборос, вставая с пыли и отряхивая штаны.

– Покажешь? – надменно прищурился жёлтый.

– Покажу, – покорно кивнул Винни Пух, и троица со свистом поплелась в гости к Зомби и Штейну.

Саван

После того как Фтор радостно отдубасил жирную змеюку, он последовал за ним в его уютный хоум. По пути здоровяк сопел, пыхтел и нарывался на новые тумачи, но, к его счастью, компания подошла к нужному подъезду, ввалилась в лифт и махнула на пятый этаж. Какое-то время чёрный бочонок ковырялся в замке, загораживая дверной проём своей широкой задницей. Потом он долго мялся на пороге, снимая ботинки. Фтор и Везувий церемониться не стали и прошли в гостиную обутые.

– И где твои барабаны? – фыркнул Фтор.

– В моей комнате, – по-детски пояснил Уроборос, намыливая руки, – идёмте, – пригласил он.

В небольшом параллелепипеде и вправду умещалась ударная установка, только на бас-барабане восседала какая-то волосатая многолапая мерзость.

– Что это ещё за чудище? – испугался Везувий.

– Это Штейн, – мягко проворковал хозяин паука, осторожно сажая того на ладонь, – что ж тебе на месте-то не сидится, дружок?

– Ну и причуды у тебя! – присвистнул Фтор. – Лучше давай сыграй нам что-нибудь!

– Хорошо, – сглотнул Уроборос.

Растерянно взяв палочки в пухлые пальцы, он уселся за установку и, собравшись с духом, принялся отстукивать неплохой ритм. Партия звучала довольно экспрессивно, энергичные переходы придавали остроту, и с каждой секундой нарастало вкусное напряжение.

– А ты профи! – улыбнулся Везувий акульей улыбкой.

– Мм, – промычал барабанщик, нервно тряс башкой при виде его оскала.

– Да ты не пугайся, – по-доброму изрёк Везувий, хлопая его по мясистому плечу, – лучше скажи, уже выступаешь где-то?

– Н-нет.

– А почему? Не уверен в себе? Делаешь музлю для себя? В стол? Э-э, чувак, так поступают только тюфяки и дилетанты, которых я ненавижу больше Господа нашего! – возмутился Везувий.

– Мы к чему толкуем? – наклонился к другому плечу Фтор. – Присоединяйся к нам! Мы, видишь ли, тоже занимается музычкой, струны балалайкам дёргаем. Создали, значит, группу «Саван», уже потихоньку начинаем крутиться в клубах, и ты был бы очень кстати, дружище!

– Я даже не знаю... – покачал головой Уроборос, – вы ведь меня побили...

– Ну ты что, браток? Таков обряд вступления! Это что-то вроде дружеской потасовки! Мы славные весёлые парни!

– Вы назвали Штейна чудищем, – не унимался змей.

– Ну, браток, посмотри на своих пауков, они же действительно страшные! – ярко зажестикулировал Фтор с убедительным взглядом, но, увидев, как задёргалась чёрная губа, сменил тактику. – И это хорошо! Это комплимент! Нам как раз пригодится подобный образ! Ты ещё напишешь крутую песню про своих паучков...

– Это тарантулы, – ещё сильнее надулся Уроборос, но слушал он уже с вниманием и заинтересованностью.

– Я думал, это синонимы, – сквозь зубы процедил Фтор, чувствуя, как закипает, – ну так что? Ты согласен стать участником группы?

– Ну конечно, чёрт побери! – взорвался Уроборос. – Конечно, согласен! – просиял он. От восторга он сжимал руки так, что чуть не сломал палочки.

– Полегче, приятель, – выпустил разряжающий смешок Везувий, – не кипятись. Лучше готовься к скорому выступлению, – подмигнул он и, пообещав вернуться с гитарами, выскольз-

нул в подъезд. Фтор последовал его примеру, оставив Уробороса переваривать полученную информацию.

Репетиция прошла более чем успешно. Потные и возбуждённые музыканты внесли в свои композиции барабанные партии, записали звучание песен на диктофон и поставили себе зачёт.

– Ништяк!

– Отпад!

– Улёт! – ликовали они.

Клубника

Теперь музыканты репетировали вместе, вносили правки в трек-лист, шлифовали неровности и зазывали знакомых. Реклама их, к сожалению, хромала на обе ноги, но парни утешались тем, что для старта годится. Подъём всегда даётся со скрипом. Зато в будущем пройдёт их звёздный час, и сам Пол Маккартни перевернётся в гробу от зависти!

Каждую пятницу янг бойс собирались в ночном клубе «Клубника», где исполняли свои новинки. Их вряд ли кто-то слушал, но раскаты рока подливали в атмосферу кипятка.

– По дремучим тро-опам ходят бродят миза-антро-опы! – голосил Фтор, пока Везувий тряс огненным ирокезом.

Пьяные зрители вяло болтались в зале, но их движения лишь отдалённо напоминали танец. Скорее, их словно укачивало на яхте. Лишь двое парней, до чёртиков похожих на хиппи, не сводили глаз со сцены. У одного волосы спелой ржой едва закрывали уши, а у его компаньона волнистые патлы достигали плеч. Оба парня потягивали текилу и о чём-то задумчиво переговаривались.

Как только отгремела последняя сонг под названием «Админы ада», парочка чуть опасливо приблизилась к выступавшим:

– Так это вы группа «Саван»? – поинтересовался мэн с ржой на голове.

– Они самые! – важно ответил запыхавшийся Фтор, откручивая крышку бутылки с питьевой водой. – А что? Хотите автограф? – насмешливо подразнил он хиппиков.

– Нет, – лукаво улыбнулась рожь, – мы бы хотели присоединиться к вам.

Услышав столь дерзкую самоуверенность, Фтор разразился фонтаном брызг:

– Чего? Лапы прочь от «Савана»! – завопил он.

– Я бы на твоём месте не был так скептичен, – наглела рожь, – вместе мы быстрее достигнем успеха.

– Это ещё почему? Думаешь, без вас – двух гомиков – мы не раскрутимся? Ошибаешься, дурачок, – злобно напирал Фтор. Сейчас он смахивал на разъярённую кошку со вздыбленной шерстью.

– Но меня-то вы взяли, – осмелился заметить робкий Уроборос.

– Молчи, кабан, а то быстро на скотобойню попадёшь! – шикнул на него Везувий.

– Давайте обсудим вопрос по-деловому, – предложил молчавший до сей поры чувак с ковбойской внешностью.

– О'кей, я слушаю, – принял условия Фтор.

– Я умею играть на басу, а Помпея петь, – начал пиариться ковбой.

– Ничего оригинального, у нас и без вас этого говна хватает, – хмыкнул он.

– Так вы послушайте! Устройте нам кастинг, что ли! Дайте нам шанс! Испытательный срок! Давайте только попробуем позвучать вместе! – не сдавались парни.

– У меня чутьё, что вместе мы порвём сцену в клочья! – заверял тот, которого звали Помпея.

– Нет! – отчаянно упорствовал Фтор.

– Дружище, почему? – изумился Везувий, но в награду получил испепеляющий взгляд.

Был вечер пятницы, и Фтор не мог проглотить ревность с завистью. Что если один из новичков украдёт лидерство? Перетащит акцент на себя? Панк не мог допустить поражения!

– Испытательный срок, – повторил Помпея.

– Ладно! – злобно сплюнул Фтор и, излучая клубы психологического яда, покинул предателей.

Металлические цепи агрессивно звякали, гриндерсы пронзительно скрипели, и все мускулы наливались свинцовым гневом. Испугавшись, что он может обидеть священное число,

нарушив график грехов, Фтор постарался остыть. Усевшись на кожаный диван с засохшими дорожками спермы, он достал из кармана «Бешеную пчёлку» и, не проверяя цвет, отправил конфету в рот. Казалось, что в душу насрали собаки. Никогда ещё Фтору не было так погано. Но, с другой стороны, может быть, действительно судьба ещё улыбнётся ему акульей улыбкой, и удача вцепится в его губы.

Тем временем Везувий и Уроборос принюхивались к самоуверенным парнишкам.

– Как зовут? – с пристрастием спросил Везувий.

– Я Помпея, а это мой друг, Пустыня.

– Помпея, значит? – коварно улыбнулся вулкан, и буквально все ощутили, как накалился воздух.

Помпея

Помпее не раз говорили, что он похож на Курта Кобейна, но парень не любил подобных сравнений. Он вообще не любил подражания и копирования, считал, что это унижает обоих участников диады. Каждый раз, когда упоминали солиста «Нирваны», он с треском ломал карандаш или включал музыку на полную катушку. Он не мог позволить повесить на себя ярлык, ведь куда важнее создать собственный образ – уникальный и неповторимый!

Но этому чёртовому миру не нужны новые супергерои. Этому чёртовому миру подавай знакомых персов с бицепсами и голливудскими улыбками! Этот чёртов мир придумал какой-то постмодернизм, запустив круговорот идей в культуре! Глупые люди. Глупые интеллектуалы! Никак не могут начитать комиксов. Противятся неизвестным мессиям. Упрямо не замечают выдающихся вундеркиндов двадцать первого века! Помпея давно понял, что тебя заметят только в том случае, если публично изнасилуешь Адольфа Гитлера. Или Елизавету вторую в её преклонном возрасте. Или Мону Лизу в парижском Лувре. Короче, на этом земном шарике возможна только антислава.

Удивительно, но с подобной философией Помпее удавалось не унывать. Он давно осознал своё призвание и чётко двигался к цели. Музыка всегда наполняла его жизнь смыслом и яркостью. Она скрашивала будни и озаряла стены. Только вот парню никто не посылал удивительных дарований. Если где-то в небе и существовал Бог, или Абсолют, или Сатана, то он обделил своего пасынка идеальными связками или прекрасным слухом. Всё, чего добился – он добился своими усилиями. Ни в какой музыкальной школе мальчишка не учился – родители не видели в пении перспектив. Приходилось спасаться Ютубом и заочными курсами. Сначала он разучивал распевки, потом учился попадать в ноты и свято верил, что никакого таланта не существует. Бывает только упорный труд. Друзей Помпея не заводил – не домашние питомцы. Но, повстречав однажды Пустыню, крепко к нему привязался.

Пустыня

У Пустыни уже появилась лёгкая щетина, которой тот очень гордился. Отращённые волосы разваренным «Дошираком» овивали овал лица, а гибкие длинные пальцы с чересчур большими костяшками умело дёргали четыре струны бас-гитары.

Пустыня жил неподалёку от своего дружка, и поэтому они часто замыкались в гараже, где сочиняли стихи, рассказывали фантастичные истории, сражались на джойстиках или рубились в карты. Иногда выбирались в бар или какой-нибудь клуб. Словом, бездельничали, как чистокровные шалопаи или полноценные бродяги.

В гараже, их укромном мужском штабе, стоял старый небольшой холодильник, утыканный магнитами. В нём лежала заветренная колбаса и охлаждались банки пива. На отдельной полочке хранились тубики со змеиным жиром, добытые из самой Кореи. Отчего-то у Пустыни постоянно трескалась кожа на пятках, и подошвы покрывались грубыми серыми корками, за что его Пустыней и нарекли. Регулярно, утром и вечером, парень смазывал стопы светло-коричневым гелем, надеясь, что продолжительное лечение пойдёт на пользу.

– Скоро будут как у младенца! – уверенно подмигивал он, и Помпея валился от хохота.

– Да, и мы с тобой станем всепланетными любимцами! – шутил он.

– А почему бы и нет? Мы с тобой создадим целую галактику «Млечный рок»! – оттягивался Пустыня, и брадзерс принимались раздувать свои амбиции.

Но Пустыня критиковал не только шершавые пятки, но и огромные суставы пальцев. Из-за этой особенности он не мог носить кольца. Случалось, что после примерки он часами не мог стянуть серебряное изделие, беспощадно намазывая покрасневший и опухший перст.

– Пилите уже к чёрту! – отчаивался Пустыня.

– Что? Палец?

– Какой, в жопу, палец?! Кольцо! – нервничал он, но наступал хэппи энд, и кольцо с пальцем оставались невредимыми.

Чтобы не слишком ущемлять себя в желаниях, Пустыня решил проколоть ухо и стал носить грузную фигурную серёжку.

– Отвёл душеньку? – спрашивал Помпея, сидя с кружкой кваса.

– А то! – нависал над зеркальными очками Пустыня.

Так и тянулась их беспечная бытовуха, пока однажды парочка ни засветилась в «Клубнике». На сцене плясали какие-то пёстрые петушки. Они неплохо смотрелись и грациозно двигались так, что у обоих тут же возникли вкрадчивые мысли. Стоило подключиться к их банде, чтобы стать королями рока. Правителями поклонников. Диктаторами новой идеологии.

Упёртые петухи долго тянули кота за... хвост, но согласились сотрудничать впятером. Звёзды, наконец, складывались как нужно.

– Давайте перекусим, – предложил Уроборос на следующий день, – знаю я одно клёвое местечко, – потёр он ладони, и отвязная ватага шумно двинулась за громоздким Конгом. Клёвым местечком оказалась «СтоLOVая», где подавали домашнюю выпечку и горячие блюда.

– Что-то не шибко оно клёвое, – поёжился Везувий.

– Какая разница? Мы здесь за делом! – одёрнул его Фтор. В субботу его высокомерию не было предела. – Ну и? – поднял брови, усевшись за серый столик.

– Во-первых, у нас есть место для репетиций, – принялся перечислять Помпея, – во-вторых, вместе мы можем создать не просто выступление, а грандиозное шоу. Эдакое зрелище. У нас есть много текстов в вашем репертуаре...

– Сгинь, – смахнул крошки Везувий, – ты не знаешь нашего репертуара, так что нечего пушить хвост, павлинчик одноразовый!

– Ваша подача топорна и сыра! Концерт нужно подавать органично...

– А твоего мнения не спрашивали! – вскочил на ноги Фтор. – Много ты знаешь о подаче, дерьмо, обратно засунутое! – рассвирепел он и, громко топая, направился к выходу, по пути швырнув на пол чей-то поднос.

– А поосторожней никак нельзя? – остановил его какой-то дрищ, выходявший из туалета и застёгивавший ремень.

Штаны его были порваны в клочья, гавайская рубашка рябила в глазах. Мочки ушей оттягивали туннели величиной с кулак, а коричневые дредлоки собраны в пучок.

– Не понял? – враждебно откликнулся Фтор.

– Плати за хафчик, – не побоявшись, принял вызов фрикс.

– А то что, м? – навис над ним его противник.

– А то ирокезик тебе пофыдираю! – расслабленно хмыкнул тощий боец.

– Ой-ёй, как страшно! Ты что там шепелявишь, малыш? – толкнул его в грудь Фтор.

Пустыня хотел бы остановить назревавшую драку, да понимал, что этим ещё сильнее настроит их главаря против себя.

– Остановитесь! – неожиданно приказал Помпея так, что все уставились на него.

Даже Уроборос выглянул из-за подноса, который использовал как щит.

– Чего мявкнул? – покрутил в руках связку ключей Фтор. – Сирик певчий!

Всё внутри Помпеи клокотало так, словно кто-то нажал в его голове красную кнопку с надписью «Внимание». Острое чутье подсказывало, что эта встреча послужит поворотной точкой в их общей истории.

– Прости нас, – обратился он к фриксу в гавайской рубашке, – мы сегодня все немного на взводе. Ты, кстати, случайно музыкой не занимаешься?

– Я клафишник, – прогнусавил тот.

– Круто! Мы как раз собираем рок-группу, хочешь к нам? – без обиняков спросил его Помпея.

– Эй! Эй! Эй! Погоди-ка, сволочь, с каких это пор ты распоряжаешься «Саваном» без меня? – возмущённо растопырил руки Фтор. – Этот малой, кроме маракасов, и не держал ничего! Зачем нам сдалась эта фрикаделька?

– Фрикаделька! Точно! Отличный сценический псевдоним! – подхватил Помпея.

– Послушай! Нельзя принимать такие важные решения столь импульсивно, – смягчился Фтор, но и сам уже понимал, что Фрикаделька окажется подходящим реквизитом.

– А меня фыслушать не хотите? – скучающе вздохнул объект спора.

– Конечно, говори, – повернулся к нему Помпея.

– Если фаш урахан ухомонится, то я был бы заинтересован в участии, – исковеркал слова он.

– Ладно, кто за то, чтобы это чучело присоединилось к нам? – устроил голосование Фтор. Пустыня и Помпея тут же подняли руки. Через несколько секунд к ним присоединился и Уроборос.

– Да гори оно всё синим пламенем! – гаркнул Везувий и тоже занял позицию «за».

– Ладно, – натянуто смирился Фтор, и теперь в шайке стало шесть неформалов.

Фрикаделька

Причина, по которой Фрикаделька коверкал слова, выяснилась, когда он, поддавшись интриге, улыбнулся. Ребята увидели, что к его зубам крепилась искривлённая проволока с металлическими коробочками сверху. Такой аксессуар вполне соответствовал внешности парня, поскольку брови, нос, уши и даже язык украшали колечки, металлические шарики, цепочки и прочая дребедень. Так что брекеты не особо привлекали к себе внимания, но зато вызвали адски болезненные ощущения. Колоссальное давление стягивало зубы, зуд распространялся по всему лицу, резало глаза, ломило челюсть, губы оттопыривались вперёд. Откусывать что-либо было попросту невозможно, так что с собой Фрикаделька носил раскладной нож. Боль притуплялась только спустя одну-две недели после визита к ортодонту, но недавно этот извращенец в белом халате дал ему крохотный пакетик с нарисованной дружелюбной канарейкой. Внутри этого пакетика бултыхалась сотня маленьких белых резинок. По-другому – эластиков. Резиновых тяг. Их следовало цеплять на ночь за крохотные крючки, и бедный парень чувствовал, как ломается его череп. Представив, как долго ему ещё предстоит пользоваться ретейнером, удерживающими пластинами, ирригатором и прочей дрянью, у Фрикадельки безвозвратно портилось настроение. К тому же был риск, что придётся вырывать зубы, и это ему совсем не нравилось.

– Садисты! Изферхи! – ругался фрик, комкая бумажку с записью на следующий приём. Теперь он не мог получать удовольствие даже от любимых чипсов со вкусом краба!

Одиночка по природе, он ни с кем не связывался и никого не трогал, но в один выходной денёк с дивной погодкой напоролся на группу гермафродитов. После лёгкого скандала он вступил в их ряды и теперь мог с гордостью считать себя официальным членом чего-то крутого и даже магического. Наконец, его виртуозная игра на клавишах могла пригодиться и принести хоть и не чипсы, но хлеб.

– Я не подведу, – заверял Фрикаделька, превращаясь в искрящуюся петарду, – я буду трудящимся работничком! Наконец, у меня появились друзья, а то вечно сижу как сыч! – без умолку тараторил он, явно капая всем на нервы, но никто не возражал против его болтовни.

Сахара

Выйдя на улицу, шайка раскрашенных нигилистов побряцала за Пустыней в его знаменитый гараж, который все тут же наименовали «Сахарой».

– А постеры с голыми тёлками есть? – горланил Фтор.

– А кондиционер имеется, а то духота – вздёрнуться можно! – жаловался Везувий.

– А пожевать чего найдётся? – тыкал в плечо чёрным ногтем Уроборос.

Помпея с Пустыней давно перестали вникать в их хриплый гвалт, похожий на гуденье взбесившихся шершней. Они просто наслаждались прогулкой, подставляя упругие мышцы рук под медовые лучи солнца и ловя последние минуты покоя.

Спустя тысячу вопросов орава ввалилась в их личный штаб и, словно обезьяны, начала крушить всё на своём пути. Крышка от термоса, в которой ещё плавали чайники в лужице остывшего чая, была свалена на пол. Магниты растащены по карманам, заветренная колбаса благополучно доедена Уроборосом, а игральные карты помяты и порваны.

– Что ж, пришла пора заняться организационными моментами! – объявил Помпея, и все с недовольством прекратили возню.

– Для начала нам необходимо сочинить несколько новых песен и подшить их в одну папку. И следует продумать общий стиль и состряпать атрибуты для шоу, – записывал Помпея. Он с трудом сдерживал дикий недисциплинированный коллектив и смутно представлял, как его можно причесать. Работёнка его поджидала не из лёгких.

– А с чего ты здесь раскомандовался? – церемонно зевнул Фтор.

В первую секунду Помпея хотел сказать: «Хорошо, я слушаю твои предложения», но потом передумал и заявил:

– Отлично. Командуй ты.

– Так, черти, – прохлопал в ладоши Фтор, – быстро притащили сюда свои инструменты и начали играть! – приказал он.

Услышав это решение, лицо Уробороса вытянулось до неузнаваемости:

– Как же я потащу свои барабаны? – ахнул он.

– Как-как... Притащишь как-то! – почесался Фтор, выскальзывая в зной колючего лета.

– Тебе помочь? – вызвался Помпея, когда все вымылись наружу.

– Был бы не против, – смущённо пожал плечами толстяк, и «Сахара» осталась ждать своих посетителей.

Панкея

– Как же меня бесит разбирать и собирать установку! – ныл Уроборос. – И на каком транспорте прикажешь мне её перевозить? – отчаивался он.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – бодро заверял его Помпея, – у тебя есть какая-то платформа или полка с колёсиками? – напрягал он мозги.

– Хотелось бы, – угрюмо буркал гот, – в идеале было бы подогнать грузовик или фургон, но можно и тумбу приспособить, – с сомнением тянул он. Парни долго копались с барабанами, но в результате уместили их на тумбочку, кое-что взвалили на спины и покатали по городу на глазах у любопытных прохожих. Предварительно Уроборос возвёл гору нагетсов в своём террариуме и, успокоенный, потопал за помощником. – Спасибо! – выпалил он по пути.

– Да не за что, – по инерции ответил Помпея. Когда они очутились в «Сахаре», Фрикаделька и Везувий уже были на месте. – Отлично! – обрадовался Помпея. Наконец, он улучил момент, когда никто не помешает ему и не перебьёт, – давайте займём свои позиции!

Барабаны Уробороса поставили к стене, сбоку от него разместили клавишника, а по другую сторону – Пустыню. Впереди выступил сам Помпея в окружении гитаристов с ирокезами. Смотрелось недурно, но вскоре дверь распахнул Фтор.

– А чего это вы без меня начали? – разозлился он. – И чего ты себя в центр поместил? А, красавица? – подлетел он к Помпее.

– Мы просто расставили инструменты, – устало отчитался тот.

– Ах, вот как?! – скрестил руки на груди желтоголовый.

Но никто не хотел затевать новую потасовку, и потому напряжение оставили висеть в воздухе не разреженным. Погрузились в тишину. Кто-то завис в телефоне, а кто-то ссутулился над листом бумаги. Все ловили муз за титьки и пытались выдоить их парное святое молоко. Пустыня чесал карандашом за ухом, Уроборос отвлекаясь сопел, Везувий активно тыкал кнопки в заметках, Фрикаделька вообще выглядел озадаченно и с немим вопросом вертелся, глядя по сторонам.

– Обмениваемся идеями спустя час, – подытожил Помпея, и мысли закрутились ещё быстрее.

– Ску-ка, – порой чеканил по слогам Фтор, но всё же что-то карябал и даже воодушевлённо подскакивал с дивана.

– Итак, время истекло, – отключил таймер Пустыня, – все управились?

– Типа того.

– Да, что-то есть, – прозвучали сонные ответы.

– Кто решится первым представить своё творение, – подравнял стопку листов Помпея, постукав ими по столу, – м?

– Я! – сухо откашлялся Везувий.

– Просим.

Все улыбнулись, и Везувий, поднявшись и перекатившись с ноги на ногу, запел:

«На душе так много ран,

Я твой милый каннибал,

Ты не бойся, не кричи,

Просто смерти подожди!

Я к тебе уже крадусь,

Скоро я тобой напьюсь,

Скоро я тебя поем,

Выпью жизнь из сочных вен...»

– Годно-годно! – заплотировал Уроборос.

– Я не сомневался, что тебе понравится, толстяк! – облегчённо выдохнул Везувий, присаживаясь обратно.

– Что ж, теперь и я загорелся желанием презентовать свои стихи, – размялся Помпея, – итак, песня называется «Трахай».

– У-у-у! – прокатился одобрителный гул. – Давай зажги! – просвистел Везувий, и Помпея собрался с духом.

«Трахай-трахай девочек,

Трахай-трахай мальчиков,

Трахай-трахай мамочку,

Прав был мистер Фрейд!

Трахай-трахай бабушек,

Трахай-трахай кошечек,

Трахай-трахай Господа,

Прав был Люцифер!»

Голос его струился бархатно, но грубо. Слушатели впадали в транс и ясно представляли, как вязкая чарующая смола звука затекала в ушную раковину, попадала в слуховой проход, затем касалась барабанной перепонки и слуховой косточки, щекотало улитку и, наконец, вцеплялась в слуховой нерв, который, в свою очередь, доносил сведения до мозга.

– Вполне благозвучно, – скупно похвалил Фтор, – а теперь повтори это ещё разок, – попросил он.

Когда Помпея поставил припев на репит, другие участники группы начали подстраиваться под него. Незамысловатый гитарный бой чудно украшал композицию, а барабанные палочки удачно дробили музыку.

– Да это же чума! – изумился Фрикаделька с глазами удивлённой совы.

– Давайте сразу и к «Каннибалу» музон подберём! – метнулся к своей леди он.

И время в «Сахаре» остановилось. Замерло. Заглохло. Забуксовало. Лишь к позднему вечеру банде удалось скрепить тексты в одну папку. Табы с корявыми дрожащими отрезками поместили туда же.

– Что ж, мы славно потрудились, – потянулся Пустыня.

– Да, – лениво хрустнул шеей Фрикаделька. – До скорого, – уже попрощался он.

– Подожди, – поднял ладонь Помпея, – у меня родилась одна подлая мыслишка, – предупредил он, – мне кажется, что «Саван» – уже неактуальное название, – осторожно начал он.

– Это ещё почему? – раздался закономерный вопрос.

– Потому что теперь в группе совсем другой состав. Потому что теперь мы ступаем на тернистый путь ненависти, зависти и славы. Нас будет знать каждый. В лицо. Поимённо. И мы все прекрасно понимаем, кто мы на самом деле.

После его сильной речи возникла пауза. Все негласно подтверждали правоту их нового лидера, ибо как ещё могла назваться группа, состоящая из шести панков? Только «Панкеей».

Микрочлен

После ухода громил возникла необычайно глубокая тишина. Казалось, что сама улица онемела. Сизый свет окутывал здания, деревья и пока что слепые фонари.

– Неужели можно отдохнуть... – рассыпался Пустыня, доставая из холодильника змеиный жир.

С лёгкостью отвинтив закрывашку, он бухнулся на подлокотник, согнул колено и, сделав мазок на пятке, принялся энергично его растирать. Помпея же не следил за действиями друга, он всё ещё был погружён в роковые раздумья. Как же привлечь к себе внимание? Как выделиться из толпы? Отчего в нём укреплялась железная уверенность в скором успехе? Брови нахлобучились на глаза, и Помпея надолго завис с хмурой гримасой.

– Хм, а что хоть добавляют в этот гель? – бормотал Пустыня на заднем фоне. – Состав: минеральная вода, вазелин, цетиловый спирт...

Речь приятеля утопала в густом облаке мыслей. Сознание перебирало самые омерзительные штуковины, какие доводилось видеть. Парень лихорадочно совмещал вызывающие образы, и, наконец, его ослепила розовая вспышка превосходного решения.

– ...стеариловый спирт, масло ши, витамин Е, пчелиный воск... – самозабвенно тараторил Пустыня, всё ещё поглаживая свою ногу.

– Побудь пока один, мне нужно прошвырнуться до одного магазинчика, – осведомил его Помпея, выскакивая в сизые тени.

Вокалист нёсся по городу, очертя голову. Ничто его не смущало и не сковывало. И лишь когда впереди замигала красная надпись «Bright Night», Помпея сбавил свой пыл. Осторожно войдя и вежливо поздоровавшись, он принялся бродить среди плёток, присосок, смазок и возбудителей. Малиновые вагинальные шарики обещали привести клитор в тонус, компактные клиторные стимуляторы симитировать оральные ласки, а вакуумные помпы, похожие на кислородные маски, вызвать прилив крови к массируемому участку.

– Чем именно вы интересуетесь, молодой человек? – уточнила продавщица.

Вообще-то диалог с кассиршей не входил в планы Помпеи, но выбора не оставалось.

– Да мне бы фаллоимитатор подыскать, – почесал затылок он.

– Какую именно модель хотите? Из силикона или киберкожи? В форме настоящего члена или футуристических очертаний? Без или с имитацией семяизвержения? – звонким голосом затрещала брюнетка с блестящим камушком на крылышке носа. К счастью, будучи профессионалом, она не стала допытываться, зачем парню понадобилась такая секс-игрушка.

– Мне главное, чтобы он полым был, – объяснил Помпея, вогнанный в краску.

Наручники с розовым пушком и женские стропоны пялились на него без зазрения совести.

– Тогда вам может подойти фаллопротез пустотельный, – сняла образец с полки брюнетка.

– Ах, вот даже какие есть... – осмотрел модель Помпея.

– Вам поясной или...

– Нет-нет, не поясной, – поспешил отказаться парень.

– А какого размера? – не унималась консультанша.

– Фу-ух, – растерялся Помпея, – желательно тот, что побольше, хотя...

Ещё долго мученик терпел возню с уточнением деталей, разглядыванием гордо задранных пенисов с прорисованными венами, но, когда в магазинчик зашла деваха в колготках в крупную сетку, он быстро схватил более или менее подходящее приспособление, рассчитался и, не дожидаясь сдачи, прошмыгнул на улицу. Голова кружилась, словно колесо обозрения, а низ живота била лёгкая пульсация. Дождавшись, пока его срам остынет, Помпея зашагал к

«Сахаре». Фонари уже не сводили с него рыжих глаз, и певцу казалось, что все только и делают, что разглядывают его попку.

– Где тебя носило? – подскочил с места Пустыня, когда Помпея ввалился в гараж.

– Пока не задавай мне никаких вопросов, ладно? – сбросил куртку пришелец.

– Ну, хорошо, – усмирил своё любопытство Пустыня, – только ты не дослушал. В бальзам входит: змеиное масло, аминокислоты и ферменты, входящие в состав змеиной желчи и яда, экстракт календулы, витамины А, В, D...

Усевшись за стол, не Курт Кобейн распаковал резиновый пенис, повертел его в руках и понял, что все вокальные и беспроводные микрофоны, какие у него имелись, если и влезали в резиновый туннель, то раздували и деформировали его. Уже решив, что ничего воткнуть внутрь не получится, Помпея вспомнил об электретном микрофоне.

– Точно! – обрадовался он, копаясь в ящике с хламом.

Жестяные кружки, дырявые носки и пустые банки разлетались в стороны, но Пустыня как ни в чём не бывало продолжал читать:

– ...Действие, – оповещал он, – эффективно смягчает сухую, огрубевшую и потрескавшуюся кожу на любых участках тела, обеспечивая быструю регенерацию и заживление. Восстанавливает структуру коллагеновых волокон, возвращая коже гладкость и эластичность, устраняя трещины...

– Нашёл! – восторжествовал Помпея, вытягивая руку с крохотным устройством.

– ...Глубоко увлажняет, насыщает клетки кожи питательными веществами. Обладает противовоспалительными и противогрибковыми действиями. Подходит для нежной кожи губ, локтей, колен, ступней и других участков, склонных к сухости и шелушению... – бубнил Пустыня, теребя серьгу.

Помпея с лёгкостью поместил микрофон в фаллопротез, закрепил его как надо и для твёрдости наполнил штукловину свёрнутыми носками.

– ...Способ применения: необходимое количество крем-бальзама нанесите на сухие участки и втирайте массирующими движениями до полного впитывания... – жил отдельной жизнью Пустыня.

Помпея был впечатлён своей идеей и её реализацией. Теперь он мог петь в самый эпатажный и новаторский микрофон, усиливая эффект вылетающих слов!

– ...Срок годности: три года, – закончил читать Пустыня.

Выступления

Бедный Фрикаделька неуклюже отломил кусочек кораллового воска, согрел его, словно пластилин, и налепил на железку, которая больно вонзалась в щёку. Фрик искренне недоумевал, почему щёки считаются малочувствительной зоной. Какие-то мазохисты прокалывали их острыми спицами, растягивали и делали чёрт те что, в то время как он мучительно воспринимал едва заметную травму. Проверив языком, всё ли крепко держится, он оставил зеркало в покое.

Парень всё ещё не осознавал, что вошёл в отпадное объединение. Правда, он ленился ходить на ежедневные репетиции и выслушивать хлёсткие перепалки. Они вместе с Уроборосом благополучно отмалчивались, не занимая ничью из сторон, поскольку догадывались, чем это чревато. В глубине души Фрикаделька сильно восхищался Фтором и Везувием. Тем, как они смотрели на всех сверху вниз, и как огрызались, и как пускали ядовитые сарказмы. Но парнишка ни за что на свете не признался бы в этом почитании, так как первая встреча их прошла как слон по хрусталу.

Помпея с Пустыней казались более степенными и адекватными, хотя трудно судить людей по поверхностному знакомству. Волосы Уробороса, до скрипа залитые лаком, агрессивно сверкали колючками морского ежа, но никак не сочетались с его робостью и зажатостью. С его ранимостью сентиментальной девчонки. Одним словом, компания собралась нестандартная, и, хотя бы из-за интереса, присутствовать на их собраниях стоило.

В воскресенье Помпея сразу же всех удивил своим изобретением – микрофоном, завуалированным под упругий член.

– Фот это да! – отвисла многострадальная челюсть Фрикадельки.

– А эта штука хоть работает? – скептически скривился Фтор.

– А как же? – отозвался Помпея, завывая свежую песню.

«Рок – ракета!

Рок – карета!

Рок – реклама

Крутого клана!

Рок – лекарство

От рэпопьянства!

Роковый рокот

Слушать нет прока,

Им надо жи-и-ить!»

– Как это пошло выглядит! – смущённо поморщился Уроборос.

– Бомбически выглядит! – поднял палец вверх Везувий.

После того как состав группы был расширен, а трек-лист полностью укомплектован, в «Клубнике» с криками адреналина слушали только их. Кулаки, взмывавшие в густой воздух, тряслись в унисон с музыкой. Пустыня махал своими дошираковыми патлами; Фрикаделька,

наряженный в платье цвета хаки, показывал разгорячённой публике средние пальцы, а Помпея важно гулял по сцене, постепенно лишая себя лохмотьев и кожаных ремней.

Помимо «Клубники», «Панкея» стала давать концерты и в клубе «Лазер», и в гей-баре «Barbie Boy». Гонорар пока что не играл роли бурых клеток в их кошельках, акцент ребята ставили не на заработке, а на полученных эмоциях. Отдача хмелеющей толпы лучше всего покрывала потраченные усилия и старания. Вечерами Пустыня мастерил маски из папье-маше в виде черепов буйвола и тукана. После высушивания он покрывал их токсично-жёлтым цветом. Или цветом радиации. Или цветом обкусанных губ. Но самым любимым был их фирменный трюк с пиньтой в виде земного шара с суперконтинентом посередине. После удара гитарой Пангея буквально взрывалась и вываливала на орущую публику ораву игрушечных тараканов и пауков. Если наделять этот обряд символизмом, то трактовка его была безнадежно прозрачной.

Иерархия

Уроборос мирно дремал на спине так, что задранная жилетка обнажала волосатое пузо, на котором копошился Зомби. Уробороса успокаивали его быстрые перемещения и приятная щекотка. Наивная душа гота закутывалась в тёплую паучью любовь и отдыхала от злых насмешек. Ничто не могло его задеть. Ничто не могло его опечалить.

Прыткой молнией Зомби перекочевал на грудь, разместив свои длинные чёрные лапы на серебряной цепи плетения «Бисмарк».

– Что, тарантулушка, обниматься захотел? – мягко улыбнулся Уроборос, заглядывая во множество внимательных блестящих глаз.

И барабанщику казалось, что заглядывает он в горло бездны, чьи шершавые стены сыры и холодны. Секунда – и чёрная дыра затащит его в свой неизведанный омут, растворит на миллиарды атомов и унесёт по хитрым сплетениям космоса.

Но никуда Уроборос не уносился. Он продолжал давить на твёрдый матрас, деформируя его и разочаровывая себя. А ещё он думал. И думал он о «Панкее», и «Панкея» думала о нём.

Сколько бы Фтор ни тешил себя иллюзиями, он давно сдал лидерский пост. Теперь всё внимание было сфокусировано на солисте, а он занимал примерно одну нишу с Везувием, поскольку для публики они являлись двумя братьями, между которыми всегда можно провести параллель. Они просто дерзко смотрелись вместе и преобразовывали колебания металлических струн в колебания электрического тока. Фрикаделька собирал лайки с помощью своей причёски, вечно высунутого языка с серебряным шариком и танцевальных движений. По-другому – простых понтов. Басист группы, Пустыня, с лёгкостью клеил девочек, и не только по воскресеньям. Уроборос же был неким центром тяжести, главной мощью и устрашающим великаном.

– Каким великаном? – однажды прыснул Везувий. – Максимум – колобком с косметикой! Или Сусом Рамирезом из «Гравити Фолз».

Пати

Седьмое июля пришлось на воскресенье, чему Фтор несказанно радовался. Он мог без зазрения совести закатить умопомрачительную вечеринку и созвать на неё всех желающих. Однако, несмотря на клёвые декорации в виде носочных гирлянд, он не был возбуждён. Фтор вообще никогда не бывал возбуждённым. Зная это, друзья не стали устраивать имениннику грандиозные сюрпризы и раскошелиться на дорогие подарки. Везувий заявился с мармеладными конфетами и лицом, измазанным малиновой помадой.

– О, какие люди! – встретил его Фтор, растопыривая лапы и заключая товарища в кожаные объятия.

– Держи, это тебе, – протянул Везувий запасённые сладости.

– Чёрт, дружище! Как же хорошо ты меня знаешь! – обрадовался Фтор, разворачивая одну «Пчёлку» и закидывая её в рот. – Ну, как я украсил свою берлогу? Нравится? – чавкая, спросил он.

– Самое оно! – хрустнул суставами Везувий.

Следующими дверь изрыгнула Уробороса и Фрикадельку, которые приволокли явно залежавшуюся и засохшую пиццу.

– Хэппи бёздей ту ю! – протяжно завывли они, но Фтор не собирался становиться аскетом и потому любезно попросил их замолкнуть.

– Как знаешь, – небрежно хмыкнул Фрикаделька, топая в кухню.

Последними постучались два мистера «П» с выпивкой в качестве пропуска на бал.

– Проходите, мальчики, – довольно улыбнулся Фтор, откупоривая их презент.

– И сколько тебе стукнуло? – спросил Пустыня, когда вся компания уместилась за скромным прямоугольником стола.

– Девятнадцать, – важно закурил Фтор. Сигареты играли роль свечек на медовом торте. Ну или на карамельно-песочном. Или на «Наполеоне».

– Что ж, пора сказать тост, – поднялся Помпея, – во-первых, я желаю... Мы желаем, – бодро поправился он, – тебе целую помойку вдохновения! Такую же огромную, как та, что благополучно процветает под окном. Во-вторых, мы желаем тебе неиссякаемой энергии и творческого роста! Пусть к тебе бегают обнажённые идеи, как воскресные шлюхи, а удача преследует, словно летние комары, – торжественно объявлял солист.

Фтор, широко расставив ноги и заведя руки за шею, слушал поздравления с детской улыбкой и согласно кивал, а-ля это как раз то, что ему нужно.

– Я польщён и тронут твоими словами, сирин наш отвратительный, – от души выразился Фтор, и все гости чокнулись почти опустошёнными банками.

Закусывали пиво твёрдой, как утренний член, пиццей и рифлёными чипсами. Только бедный Фрикаделька постоянно лез пальцами в рот, дабы затянуть бусины пирсинга или выколотать из брекетов забившиеся крошки.

– Чехо фы устафились? – угрюмо ворчал он.

– Забей, чувак! – утешал собрата малиновый панк, запуская деревянную корку в улей.

Когда мужское застолье плавно сошло на нет, пацаны заставили петь Дэвида Боуи. Хамелеон в сотый раз рассказывал им историю про звёздного человека, который говорил им – исключительно им, им шестерым – не продуть, вдохновиться и сойти с ума. Молодые и только ступившие на ковровую дорожку славы, они даже не догадывались, как доблестно исполняют все задания звёздного мэна.

Поклонники

Помпея, блаженно закатывая глаза и наслаждаясь визгом молодёжи, облизывал свой микрофон.

– Друг, драг, враг, оу... – стонал он, пока гитаристы ерошили струны.

На сцену летели любовные открытки и ленты презервативов. В дальних рядах девушки возвышались на горбушках своих ухажёров, прямоугольные огоньки дисплеев дрожали и вспыхивали. Интернет уже кишел снимками с их выступлений, и порой попадались даже качественные фотографии. После окончания концерта к ним ломились фанаты, желая лично обмолвиться парой фраз, получить роспись на салфетке или запястье, или удостоиться чести сделать совместную фотку. Обычно Помпея не пускал пьяных и обдолбанных крикунов в нечто вроде гримёрки, но в этот раз снизошёл до рыжеволосой дурочки, чьё лицо испещряли веснушки.

– Чем могу быть полезен? – солидно облокотился на дверной косяк он.

– Я восхищена вами, – загипнотизировано прошептала она, – мне очень нравятся ваши песни, и я знаю каждую наизусть, и я слежу за вами... то есть за вашей карьерой, то есть концертами... – терялась девчонка. Помпея уже сожалел, что решил выслушать эту трещалку. От обилия клише и типичных комплиментов его начинало тошнить. Парень хотел уже захлопнуть дверь, но рыжая радостно протянула ему руку для знакомства: – Я ваша фанатка, поэтому называйте меня Фанси, – лепетала она, вновь обретая веру в волшебство.

Ни один ребёнок не обрадовался бы встрече с Дедом Морозом настолько сильно, как она радовалась встрече со своим кумиром. Но Помпею не интересовала эта слепая глупышка без собственного мнения и некой грубости. Жёсткости. Прямолинейности. Она – лишь одна овечка из безмозглого стада. Ляля, на миг забытая опекающей ее мамочкой.

– Малышка, тебе хоть сколько лет? – усмехнулся Помпея.

– Семнадцать, но через...

– Понятно, – закатил глаза вокалист.

Как же его раздражали эти малолетние поклонники! Бесмысленные клоны. Бездарные копирайтеры. Пустышки, слизывающие его выходки. Повторялки, покупающие латексные лосины и шипастые аксессуары. Мудрецы, сыплющие его цитатами. Воры и взломщики. Лжецы и лицемеры. Никто и Ничто.

Фанси

Молодая девчушка в ляпистом сарафане смотрела телевизор, свив себе уютное гнёздышко из медвежьего пледа. На экране шла реклама прокладок. Скопфуженная скользкая русалка испытывала дискомфорт, пока к ней не являлась всемогущая Урсула с коробочкой «Kotex» в сиреневых мясистых руках.

– Не будь скованной. Выбирай настроение свежести! – подмигивала она, и в следующем кадре прекрасная дева в лёгких полупрозрачных одеяниях бежала по вольному полю и романтично раскачивалась на качелях.

– Миленько! – заливалась румянцем девчонка, опрокидывая в рот горстку попкорна и запивая его сладкой газировкой.

Соблазнительно облизнув липкие губы алым языком, она постаралась вновь сосредоточиться на мелькавших картинках, но не смогла. Реклама натолкнула её на привычные переживания о своей взрослости и привлекательности. Что если она недостаточно подтянута? Недостаточно крепка и налита? Аккуратные вздёрнутые груди обхватывал ажурный бюстгальтер размера 75А. Ежедневная гимнастика, разработчики которой обещали попу, как орех, почему-то не делала её таковой. Животик... Ну, что животик? Обычный животик с россыпью мелких родинок. Спину девушка всегда держала прямо и следила за грацией, так как относилась к изящной породе.

Нередко она вышагивала перед зеркалом той безукоризненной походкой, какой модели ходят по подиуму в красных кимоно и платьях с широкими поясами. Мать, занимавшая должность психотерапевта, хрипло произносила:

– Бусинка, ты рискуешь загреметь в психиатрическую больницу, если будешь и дальше так себя вести. А что? Там тебе быстро впишут сверхценные бредовые расстройства и синдром дисморфофобии. Но ты не переживай, восемьдесят процентов случаев происходят в период пубертатского криза.

В переводе её слова означали, что в подростковом возрасте почти каждая девочка недовольна своей внешностью, и это самое естественное, что может быть.

Но её волнения не имели бы почву, если бы под рёбрами не колыхались бабочки. Белянки рапсовые. Белянки альпийские. Лимонницы крушинные. Маленькие крапчатые ангелы. Дивные эльфийки. Невесомые феи.

Очарованная солистом группы «Панкея», девица заполонила телефон его фотографиями. Назубок выучила его песни и тайно следовала за ним после выступлений. Колючий бунтарь снаружи. Мягкий душка внутри. Она давно отдала ему сердце, став самой внимательной и преданной болельщицей. Самоотверженной, замаранной в любви по локоть Фанси. Любовь окрыляла её и толкала на глупости. Алый язык, облизывающий липкие губы, заплетался и забывал, как прижиматься к небу. Сворачиваться в трубочку. Дрожать под струей воздуха. Фанси знала только шесть букв:

П

О

М

П

Е

Я

Его имя сочетало величие и утончённость. Монументальность и покой. Силу и созидание. Какие податливые тёплые звуки... Какой глубокий, пробирающий до мурашек голос... Он окутывал её туже медвежьего пледа. Он захватывал её, словно сетчатый питон заглатывал жертву. Робкую антилопу. Кроткую лань с невинным испуганным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.